

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОБИДЫ КАК ЭЛЕМЕНТА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

FORMS OF MANIFESTATION OF COLLECTIVE RESENTMENT AS AN ELEMENT OF COLLECTIVE MEMORY IN URBAN SPACE

У статті розглядаються форми прояву колективної образи в міському просторі, теоретичні основи дослідження – роботи авторів, які вивчали відображення колективної пам'яті в просторах сучасних мегаполісів. Проводиться розмежування відображення колективної пам'яті та колективної образи в міському просторі.

Виявлено основні функції «місць образи» в сучасному мегаполісі, у тому числі збереження пам'яті про історичну подію або особистість, конструювання єдиного ставлення до події, спроба легітимації влади, установка певного дискурсу, виробництво емоцій. Установка нових монументів, символів, зміна назв вулиць здатні породжувати образи, оскільки самі зміни є травмувальним фактором для значної частини населення. Нові меморіальні об'єкти також нерідко стають предметом роз'єднання між різними групами всередині міста. Символам надається новий сенс, а назва об'єктів може бути використана неправильно. Нові символи, замість об'єднання, здатні призвести до поляризації суспільства щодо історичної події або діяча. Проведене дослідження демонструє, що з'являються нові форми відображення колективної образи в міському просторі. Наприклад, у Харкові колективна образа відображається не тільки в традиційних символах на зразок нових назв вулиць, пам'ятниках або меморіальних табличках. Також вона відображена у вигляді малих архітектурних форм, які розташовані в самому центрі міста. Ще одним варіантом відображення колективної образи є часткова зміна пам'ятника, через що монумент набуває іншого змісту, змінюється його символічне значення, відбувається актуалізація об'єкта. Специфічною формою прояву колективної образи в міському просторі як для Харкова, так й України загалом стала установка хрестів замість пам'ятників комуністичним діячам. Установка нових символів здатна структурувати простір міста, зберегти відомості про травму, актуалізувати колективну образу і, як наслідок, призвести до зростання рівня радикалізму.

Ключові слова: колективна образа, колективна пам'ять, травма, міський простір, радикалізація.

The article deals with the forms of manifestations of collective resentment in urban space. The theoretical foundations of the study are considered – the work of authors who studied the mapping of collective memory in the spaces of modern megacities. A distinction is made between the display of collective memory and collective resentment in urban space.

The main functions of the “places of resentment” in the modern metropolis are identified, including preserving the memory of a historical event or person, constructing a single attitude to the event, attempting to legitimize power, setting a certain discourse, and producing emotions.

The installation of new monuments, symbols, changing street names can generate a new resentment, since the changes themselves are a traumatic factor for a significant part of the population. New objects also often become the subject of separation between different groups within the city. Therefore, symbols are given a new meaning, and the name of the objects may be used incorrectly. Instead of unification, new symbols can lead to the polarization of society relative to a historical event or figure.

The study demonstrates that there are new forms of displaying collective resentment in urban space. This is illustrated by the example of Kharkiv, where collective resentment is reflected not only in traditional symbols like new street names, monuments or memorial tablets. It is also displayed in the form of small architectural forms, which are located in the very center of the city. Another option for displaying collective resentment is a partial change in the monument, which is why the monument takes on a different meaning, its symbolic meaning changes, and the object is updated. The installation of crosses instead of monuments to communist figures has become a specific manifestation of collective resentment in the urban space for both Kharkiv and Ukraine as a whole.

The installation of new symbols is able to structure the space of the city, save information about the injury, actualize the collective offense and, as a result, lead to an increase in the level of radicalism.

Key words: collective resentment, collective memory, trauma, urban space, radicalization.

УДК 316.3

DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2020.13-1.4>

Музылёв А.В.

аспирант кафедры политической социологии

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Постановка проблемы. Каждое общество обладает широким набором инструментов хранения и воспроизводства коллективной памяти, среди них – документы, учебники, художественная литература, музыка, живопись, свидетельства личных участников событий, которые стали частью коллективной памяти.

Отдельное место среди форм репрезентации коллективной памяти занимает архи-

тектура, а также городское пространство в целом. Памятники, названия улиц, районов и прочие символы часто посвящены событиям из истории страны или города, которые укоренены в коллективной памяти. Отдельное место среди них занимают формы воплощения коллективной обиды. В городском пространстве они выражены как и места памяти. Ключевое отличие мест, связанных с коллективной оби-

дой, – отсылка к травме, с которой столкнулось общество в целом или отдельные индивиды. Травмой могут служить войны, геноцид, дискриминации или другие события, которые в обществе наделены статусом травмы.

Пространство практически любого населенного пункта хранит в себе информацию о коллективной обиде, что способно привести к ее сакрализации и желанию отомстить тем, кого тот или иной символ обозначает в роли агрессора. Как итог, в городском пространстве хранится немало символов, которые не просто призваны сохранить в коллективной памяти воспоминания о событии или историческом деятеле, но и способствуют повышению уровня радикализма.

Такая проблема особенно характерна для обществ, которые находятся в стадии трансформации. К таковым можно отнести и современное украинское общество, где за последние годы в каждом населенном пункте произошли смены названия улиц, а также демонтаж старых символов и установка новых. С одной стороны, это процесс, который доказывает динамичность развития городской среды, с другой – новые названия, памятники и прочие символы могут не находить отклик среди населения, что приводит к отторжению новых символов, их игнорированию или приданию названиям или архитектурным объектам других смыслов, чем это было заложено изначально.

Анализ последних исследований и публикаций. Отображению коллективной памяти в социальном пространстве города уделяют внимание в работах многие исследователи, среди которых можно выделить А. Ассман, П. Бурдые, Дж. Александера, Р. Козеллека, П. Нора, Т. Парсонса, М. Хальбвакса. В контексте же исследования особенно важны работы В. Вахштайна, который анализирует формы отображения и конструирование коллективной памяти в контексте современного городского сообщества.

Постановка задания. Таким образом, целью статьи является рассмотрение воплощения коллективной обиды в городском пространстве. Исходя из поставленной цели, выдвигаются следующие задачи:

1. Выявить, какими свойствами обладают различные формы отображения коллективной памяти и коллективной обиды в городском пространстве.

2. Определить, как установка новых символов может влиять на состояние коллективной обиды в обществе.

3. Установить новые формы проявления коллективной обиды в современном городском пространстве.

Изложение основного материала исследования. Отображение памяти и исто-

рических событий в городском пространстве – искусственный процесс. Он создается акторами, в первую очередь местной и государственной властью, которые обладают достаточным набором ресурсов для установления памятников и монументов, переименования улиц. Под городским пространством мы будем понимать территорию, ограничивающуюся физическими границами города. В первую очередь важны материальные объекты, включенные в нее. Именно посредством них и проходит конструирование социальной среды.

С формами проявления коллективной памяти в современном мегаполисе сталкивается практически каждый его житель. Репрезентация коллективной памяти проявляется в названии улиц и площадей, памятниках, символах, малых архитектурных формах. Частью коллективной памяти являются те названия, которые связаны с историческими событиями или персонажами.

Посредством дискурса памяти и ее репрезентации в городской среде проходит «коллективная идентификация» [1, с. 3]. Жители города начинают отождествлять себя с теми символами и названиями, которые они привыкли видеть в городском пространстве. Таким образом, память проходит укоренение в материальном пространстве и становится частью нашей повседневности. Также благодаря памяти происходит конструирование образа города. Ее репрезентация является возможностью оценить важность тех или иных событий для истории города, а также понять, насколько они оказались значимыми для настоящего, способны ли повлиять на будущее.

Накопление большого числа памятников, мемориальных табличек или символов, которые посвящены одному событию, призваны закрепить за ним однозначный статус и единую трактовку [1, с. 13]. Обычно такую политику диктует государство, поскольку оно обладает необходимыми ресурсами для создания и установки новых памятников, смены названия улиц, установления новых символов. Так происходит демонстрация той трактовки исторического события, которая является выгодной, исходя из актуальной политической обстановки. Поэтому память, а вместе с ней и обида становятся не только инструментом и способом объяснения прошлого, но и предметом манипуляций. Названия, символы и материальные объекты могут конструироваться исходя из актуальных потребностей и политических предпочтений. Постоянная же смена названий или многочисленное появление новых символов способно привести к дезинтеграции в рамках городского пространства.

Манипуляции могут проявляться также в том, что памятники могут артикулировать только одну часть исторического события. Таким образом, может также выстраиваться выгодная картина события или отношения к исторической личности для тех, кто конструирует коллективную память.

Обычно в городском пространстве находят отражения важные или, как их называет Джеффри Александер, «предельные исторические события» [2]. Нередко они связаны с коллективной травмой, событием, которое обладает статусом трагического и «страшного» в рамках общества. Причем значимым событие может стать на основании решения как местных жителей, так и власти, которая таким образом пытается установить у населения единое отношение к тому или иному событию, историческому персонажу. Травма – свойство, которое приписывают событию вне зависимости от его изначальной исторической значимости. Травмой может стать даже воображаемое событие. Главное – его влияние на коллективную идентичность, поэтому и увековечивание события в названии или символе дополнительно придает ему статус важного и значимого для местных жителей.

Посредством установки новых памятников, знаков, названий проходит процесс мемориализации, который способствует закреплению, во-первых, знания о личности или событии, во-вторых, отношения к нему. Чаще всего мемориализация включает в себя определенный набор инструментов. Например, называется не только улица в честь исторического деятеля, но и устанавливается мемориальная табличка в память о том, что он в данном доме жил, останавливался или связан с местом другим образом [1, с. 34]. Результатом этого является тот факт, что персоналии или события становятся не только частью коллективной памяти, но и активно «включены» в современное городское пространство. Так историческое прошлое проникает в наше настоящее.

Посредством памятников или названий улиц выстраивается отношение общества к тому или иному персонажу, историческому событию [2], причем его отображение в городском пространстве обычно предполагает положительное отношение со стороны населения, что на практике не всегда является таковым. Через возможность устанавливать памятники часто реализуется право сильного выстраивать властный дискурс. Также через отображение материальных объектов в городском пространстве и дискурс памяти в целом проходит легитимация той или иной политической позиции [1], поэтому названия для улиц или новые символы, которые должны быть установлены, выбираются не случайно.

Посредством них власть пытается укрепить свои позиции в рамках общества, а также обосновать свою легитимность. Это особенно характерно для обществ, которые находятся в стадии трансформации. Власть нуждается в том, чтобы общество как можно быстрее адаптировалось к новым героям и реалиям, поэтому старается активно внедрить их в повседневность.

Городское пространство при этом выступает одной из площадок конструирования коллективной памяти и коллективной обиды. Посредством названий, символов или материальных объектов легко отобразить как реальные исторические события, так и вымышленные. Ключевой задачей тех, кто конструирует окружающее пространство, является создание символов, которые могли бы объединять общество. Однако установка новых памятников или символов не всегда однозначно воспринимается, особенно когда они появляются на месте объектов, существовавших ранее. Из-за этого складывается ситуация, когда в городском пространстве появляются элементы, которые способствуют не консолидации общества, а как раз наоборот – его разобщению. Вероятность этого особенно высока, если новые символы идут вразрез с установленными ранее.

Еще Дюркгейм писал, что повседневные социальные практики становятся основой для формирования и структурирования общественной жизни [3]. По мере привыкания эти практики постепенно выстраиваются в систему негласных законов. Они конструируют коллективное действие, а также напрямую влияют на повседневность индивида и города в целом.

Коллективная обида в городском пространстве отображается многообразно. Если в целом ее можно определить как форму восприятия «обидчика», как ответ на дискриминации и травмы, с которыми столкнулся индивид или представитель социальной группы, то в контексте городского пространства она выражается в мемориальных комплексах, памятниках, названиях площадей, улиц, прочих материальных объектах, которые связаны с травмирующими событиями. Они могут выражаться как открыто в виде памятников или мемориалов, посвященных конкретному событию, так и в латентной форме, например, в названиях улиц, которые напрямую не отсылают к войнам или другим потенциально травматичным событиям, но косвенно с ними связаны.

В городском пространстве обычно представлен весь спектр материальных объектов, которые связаны с коллективной обидой. Однако за счет того, что жители населенного пункта с ними регулярно сталкиваются, происходит опривычивание всех этих объектов.

Это связано с тем, что люди регулярно воспроизводят название, наблюдают внешний облик памятника.

Повышенное же внимание к названию обычно приковано, если оно связано с актуальными политическими событиями. Также об исторической сущности может заставить задуматься дата, которая связана с событием или личностью. Например, если это аллея Героев Крут или проспект Героев Сталинграда, то их названия в годовщины проведения сражений могут восприниматься по-особенному. У большинства же обывателей, особенно местных жителей, название не будет вызывать прямых ассоциаций, особенно во времена, которые не связаны с историческим событием или личностью. Однако такие названия несут цель – закрепить в коллективной памяти образ того или иного события, сконструировать по отношению к нему определенный тип отношения.

Также отображение коллективной обиды в городском пространстве преследует цель того, чтобы событие не было предано забвению. Регулярно повторяя название улицы, памятника или другого объекта, связанного с историческим событием или деятелем, мы храним о нем память. Закрепление в виде топографического наименования или символа позволяет не просто сохранить воспоминание, но и передать его для последующих поколений.

Коллективная обида отражается в городском пространстве символически. Если «места памяти» Пьера Нора в широком понимании включают и церемонии, связанные с ними, то «места обиды» – это физическое воплощение, которое выражается в закодированном историческом опыте [4]. Каждый символ, табличка, малая архитектурная форма служат для передачи идентичности. Через такие «места обиды» проходит постоянное напоминание о важных для общества событиях.

Если в городском пространстве будут оставаться символы, связанные с войнами или разрушениями, то от травмы, по мнению Анкерсмита, невозможно будет избавиться [5]. В таком случае она будет сохранять свое присутствие, которое хоть и незримо, но проявляется. Это будет поддерживать коллективную обиду, что, в свою очередь, способно привести к повышению уровня радикализма в обществе или желанию покончить с обидчиком.

В контексте Украины, как и других постсоветских и постсоциалистических стран, одной из форм воплощения коллективной обиды в городском пространстве является процедура декоммунизации и установления новых названий для улиц, площадей, мостов и населенных пунктов в целом. Смена названий более чем 50 000 улиц, а также практически 1000 населенных пунктов – это стремление установить и легитимировать новую коллективную

память [6]. Одна из целей таких переименований – изменение коллективной идентичности. Благодаря новым названиям, которые появляются в городском пространстве, люди начинают ассоциировать себя с новыми именами, символами. Также это попытка привлечь их внимание к историческим событиям, личностям, о которых они раньше не знали.

Одной из целей памятников, табличек, символов и прочих материальных объектов является производство эмоций. Они будут особенно ярко проявляться, когда индивид впервые для себя встречает тот или иной знак, символ. Одной из эмоций, к которой может привести объект, способна стать и обида. Поэтому появление и увеличение в городской среде объектов, которые связаны с историческими событиями, а особенно теми, которые перекликаются с актуальными политическими новостями, способно стать тем самым «триггером» для обитателей городского сообщества.

Причем размер и формы памятника обычно не играют решающую роль в его восприятии [1]. Главное – тот сакральный смысл, которым наделен объект. Именно от этого зависит успешность его восприятия в городском пространстве. Не важна и пропорция размеров материального объекта в соответствии с его исторической значимостью. Даже если взять памятники, которые посвящены войнам, то можно найти как монументы, величиною в сотни метров, так и объекты, чья величина меньше человеческого роста.

Гораздо большее значение для утверждения коллективной памяти является число новых символов. Резкое появление в городском пространстве большого числа памятников, табличек, новых улиц и прочих материальных объектов способно негативно отразиться на инфраструктуре города в целом, поскольку его жителям потребуется определенное время на то, чтобы привыкнуть к ним и дабы эти объекты прошли своеобразную хабиутализацию. Впрочем, этого может и не случиться, если символ вызывает явное отторжение у значительной части населения.

Сама по себе смена названий может стать травмой. Связано это с тем, что люди привыкли жить в одной социальной реальности и теперь вынуждены подстраиваться под другие условия. Установка же новых символов, памятников, смена названий улиц способна стать раздражающим фактором для значительной части населения, особенно той, которая скептически относится к переменам. Чтобы лишней раз не актуализировать коллективную обиду, те же названия улиц можно не связывать с историческими деятелями или событиями из прошлого, а давать им нейтральные названия. Это может помочь снизить градус негативного отношения к переменам.

Однако, как верно замечает Штомпка, одна только такая смена может оказать травмирующее воздействие на индивидуальном уровне [7]. Как итог, установление новых символов, а тем более переименование старых или снос установленных ранее памятников являются травмой для определенной части населения. Это способно привести к актуализации коллективной обиды. Подтверждает это и тот факт, что переименования скорее не поддерживают более чем 50% населения Украины, что продемонстрировало исследование социологической группы «Рейтинг»¹ [8]. Сам процесс переименования оказался для них травмой, что может выражаться в том, что новые названия еще долго будут приживаться в украинском обществе.

Нежелание примириться с новыми названиями также выражается в попытках реконструкции, которые были в Харькове (с возвращением проспекта Маршала Жукова) и Киеве (обратное переименование проспекта Степана Бандеры в Московский и проспекта Романа Шухевича – в Ватутина). Это только наиболее очевидные примеры того, как новое название не прижилось и предприняты попытки возвращения прежнего.

Причем в Харькове тот же бюст Жукова неоднократно становился местом столкновения радикалов. Аналогичные ситуации происходили и с другими объектами, которые переименованы или установлены. Бюст Жукова – редкий пример того, как объект разрушают, а затем восстанавливают. Его наличие, на постоянные попытки снести или акты вандализма (чаще всего – обливание краской) стали символом разобщенности общества относительно исторического прошлого. Ради сохранения или, наоборот, устранения монумента индивиды и организации нередко прибегают к экстремистским методам.

Так, бюст не просто становится объектом в городском пространстве, но и обретает новое символическое значение. Для одной группы людей его присутствие является символом и отражением коллективной обиды, а для другой – попытками снести и другими актами вандализма. Подобная ситуация сейчас складывается во многих регионах Украины, где сохраняются «противоречивые» символы и объекты. Нередко они становятся местом конфликта для радикалов.

Поскольку многие переименования, установка новых объектов или, наоборот, демонтаж старых связаны с травматическими событиями для украинского общества, то вокруг них и дальше могут возникать конфликты

интерпретаций и наименований. Появление же новых символов, памятников, которые являются свидетельствами обиды или боли, способно породить желание отомстить или же приводит к культивации и сакрализации образа жертвы.

Установка новых символов, которые связаны с коллективной обидой (памятники воинам, мемориальные таблички), способна привести как к консолидации одной части населения, так и к установлению еще более жестких границ с другой. Это связано с тем, что полная рутинизация названия или символа невозможна, или для определенной части населения оно может служить своеобразным «триггером» [2]. Вероятность этого особенно высока в первое время после установления новых названий или символов, когда они еще не успели закрепиться в обществе. Таким образом, установка материальных объектов, которые связаны с отображением коллективной памяти, тесно связана с маркерами идентичности. Отношение к тому или иному названию, памятнику, символу будет являться фактором включения/исключения индивида в группу.

Причина неприятия новых названий или символов также заключается в том, что ряд из них связан с актуальными политическими событиями. Еще не выработался «ресурс поколения», т. е. на событие не смотрят ретроспективно, а воспринимают его в качестве части актуальной политической жизни [9]. Это также влияет на формирование отношения к названию. Например, в украинском обществе это проявляется в том, что как новые таблички или памятники, так и старые, связанные с выражением коллективной обиды, поддаются вандализму [10].

Отношения к названиям улиц и символам в городском пространстве с течением времени меняется. Например, в украинском контексте после 2014 года изменилось символическое значение памятников и названий улиц, связанных с коммунистической идеологией. Поменялось символическое значение и наименований, связанных с боевыми действиями. Несмотря на рутинизацию названий, их наличие позволяет сохранять эмоциональную вовлеченность в события граждан, которые становятся объектом [1]. Это важно в контексте актуализации темы обиды, а также ее причин.

В современных условиях коллективная обида находит новые отражения в городском пространстве. Это заметно на примере того же Харькова. В городе переименована 271 улица, 5 станций метро, а также ряд других объектов. Однако нашлись и новые формы выражения коллективной обиды. Например, к таковым можно отнести установку крестов на месте снесенных памятников, которые уста-

¹ Опрос Социологической группы «Рейтинг» проводился 4–11 ноября 2016 года среди 2000 респондентов методом личного формализованного интервью (face-to-face). Ошибка репрезентативности исследования – не более 2,2%.

новлены в честь коммунистических деятелей. В частности, подобный символ был на местах памятников Ленину и Рудневу. Крест – новый символ, который идет вразрез с установленными ранее. Надпись же на нем «Боже, береги Украину» делает его сакральным символом. Сам же снос памятников – больше чем просто процесс декоммунизации. Вместо символа того, кто считается агрессором, появляется новый знак. Он отчасти демонстрирует резко отрицательное отношение к коммунистическому режиму, обиду по отношению к нему, а также поддерживает ее актуальное состояние. Кресты вместо памятников устанавливались и в других городах Украины, что демонстрирует принципиально новую ценностную ориентацию. Пусть не везде они простояли долго, но они также успели активно проникнуть в городское пространство.

Особенность установки креста также заключается в том, что он активно перекликается с актуальными политическими и военными проблемами, с которыми столкнулось украинское общество. Крест служит напоминанием, что ежедневно на фронте погибают люди, которые принимают участие в боевых действиях. Поэтому установка крестов также была сигналом обществу о том, что нельзя забывать о текущих жертвах, с которыми столкнулся украинский народ.

Еще одной новой формой отображения коллективной обиды в городском пространстве является видоизменение символов. Чаще всего небольшие перемены проводятся в памятниках, чтобы придать им другое значение. Примером может служить большая вышиванка на памятнике Ленину в Запорожье, что, впрочем, не помогло его сохранить. Другой пример – памятник Воину-освободителю в Харькове. К нему был прикреплен украинский флаг, что сразу изменило символическое значение монумента. Теперь он служит напоминанием не только о жертвах Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют другие элементы постамента, но и современных боевых действиях, которые проходят на Востоке Украины. Таким образом, памятник обретает новое значение и является выражением коллективной обиды в городском пространстве за счет того, что к нему был придан новый символ. Установка одного элемента способна изменить значение монумента, а также актуализировать символ в целом.

Еще одной новой формой выражения коллективной обиды в городском пространстве Харькова является палатка «Все для победы», установленная в самом центре города, на площади Свободы. Этот элемент малой архитектурной формы стал настоящим символом воли и духа для многих горожан. На небольших стендах возле палатки размещены дан-

ные о военных преступлениях на Донбассе, а также нарушениях международного права со стороны РФ. Также стенды содержат информацию о гибридной войне, нарушениях прав крымских татар. Палатка «Все для победы» – напоминание всем жителям города, которые проезжают через его центр, о том, что сейчас по-прежнему проводятся боевые действия на востоке страны, о понесенных жертвах и преступлениях, которые были совершены.

Одновременно с этим она является и демонстрацией коллективной обиды. На палатке и около нее размещена информация о пострадавших, истории из фронта. Это способно привести к актуализации обиды, желанию отомстить и возможному повышению уровня радикализма. Несмотря на небольшие размеры, она привлекает внимание местом своего расположения, поскольку находится в центре города, а также набором символов: от флагов Украины и УПА до фотографий простых военных, которые принимают участие в боевых действиях. Все это особенно в текущей ситуации обладает символическим значением и отражает настроения значительной части горожан и украинского общества в целом.

При этом палатка, а также уместность ее нахождения в центре города постоянно становятся объектами дискуссий. Уже собирались петиции о необходимости ее сноса, с другой стороны, появляются активисты, которые пытаются этого не допустить. Поэтому новый символ уже успел стать объектом дискуссий среди общественности и городских властей. Но сам факт наличия палатки уже изменил облик города в том числе и для туристов, которые посещают только его центр и достопримечательности.

Выводы из проведенного исследования. Таким образом, в городском пространстве есть немало объектов, которые призваны сохранить память о прошлом, а также отражают коллективную обиду. Таковыми могут быть памятники, наименования улиц и площадей, таблички, прочие символы. Среди их свойств – структурирование городского порядка, конструирование отношения к событию или личности, легитимация власти, производство эмоций. Установка новых символов способна привести к всплеску коллективной обиды, что может выражаться в желании отомстить обидчику, а также общем повышении уровня радикализма в обществе.

Сейчас появляются новые формы выражения коллективной обиды в городском пространстве. Это малые архитектурные формы, видоизмененные памятники, новые символы. Они способны не только напоминать о значимости исторического события или личности, но и поддерживать актуальное состояние коллективной обиды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вахштайн В. Коллективная память как ресурс концептуализации публичных и частных пространств в мегаполисе. Москва : РАНХиГС, 2018. С. 38.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. *Социологический журнал*. 2012. № 3. с. 5–40.
3. Мосс М., Дюркгейм Э. О некоторых первобытных формах классификации. *Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии*. Москва : Восточная литература, 1996.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41).
5. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. Москва : Европа, 2007. С. 30.
6. Более 50 тыс. улиц переименовали в Украине в 2016 г. *UNN Украинские национальные новости*. 2016. 27 декабря. URL: <https://www.unn.com.ua/ru/news/1630979-ponad-50-tis-vulits-bulo-pereymenovano-v-ukrayini-protyagom-2016-roku>.
7. Штомпка П. Социология. Москва : Логос, 2005. 664 с.
8. Декоммунизацию поддерживают 48% украинцев, против – 36%. *Зеркало недели*. 2016. 17 ноября. URL: https://zn.ua/UKRAINE/dekommunizaciyu-podderzhivayut-48-ukraincev-protiv-36-230465_.html.
9. Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания. *Знание. Понимание. Умение : информационно-гуманитарный портал*. 2012. № 4 (июль – август). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/.
10. В Харькове облили краской постамент памятника героям Небесной сотни. *Корреспондент.net*. 2020. 7 мая. URL: <https://korrespondent.net/city/kharkov/4226132-v-kharkove-oblyly-kraskoi-postament-pamiatnyka-heroiam-nebesnoi-sotny>.